

РОДИТЬСЯ ХУДОЖНИКОМ — СЧАСТЛИВАЯ СТЕЗЯ

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Сам Евгений полюбил театральные декорации.

— В Казани в театре оперы и балета был такой главный художник Сперанский. Мы к нему приходили на практику. Он увидел наши мизерные кисточки номер один и два, рассмеялся и плеснул на полотнище ведро зелёной краски, потом ведро голубой — сразу родился сюжет. Два-три мазка сделал — и вот он, рассвет. С тех пор я зауважал размеры больших полотен.

В девяностом он привёз в Орёл более десяти тонн холстов.

— Были выставки и в Намангане, и в Москве.

Самарканд — сказочные изумрудно-голубые минареты. Окраинные кишлаки — серо-пепельные. Но когда над ними встают южные звёзды! Всё обретает чёткий, сочный контур.

— Там принято так: хозяйка, ждущая гостей, сбрызгивает водой пол и стены. Они становятся матовыми, будто мраморные.

Зима там длится три часа.

— Я уловил этот момент, зарисовал. Снег лежал на глиняных постройках и будто пёкся...

Евгений Александрович Чистов — коренной орловец, проведший почти тридцать лет на Востоке. Умиляет друзей вкуснейшим пловом, а зрителей — колоритнейшими пейзажами.

— Зимой выхожу в красном шарфе — люблю красное, в год Быка родился — и всё алое помещаю на своих картинах.

Красногрудые снегири — вестники зимы — словно жаркие свежеспечённые прянички на ивовых прутах.

Он свистит, когда рисует. Ну как мы, когда в хорошем настроении занимаемся пустяками. Но его дело — далеко не пустяк.

— Бах, Григ, Верди — зажигают. Итальянские народные мелодии просто дают жизнь. Рисую под них, как вновья.

Его художественный свист за границей записывают на кассеты и дарят ему же — на память о его выставках и его весёлом нраве.

Дом превращён в мастерскую. Рисунки валяются где попало; а какие они яркие, выпуклые!

— Очень люблю работать, работа не имеет финиша, — говорит, беря зонт и этюдник, надевая рюкзак с полуторпудовым грузом. — В любую погоду рисую, и особенно сейчас, летом. Ни одного дня без пленэра.

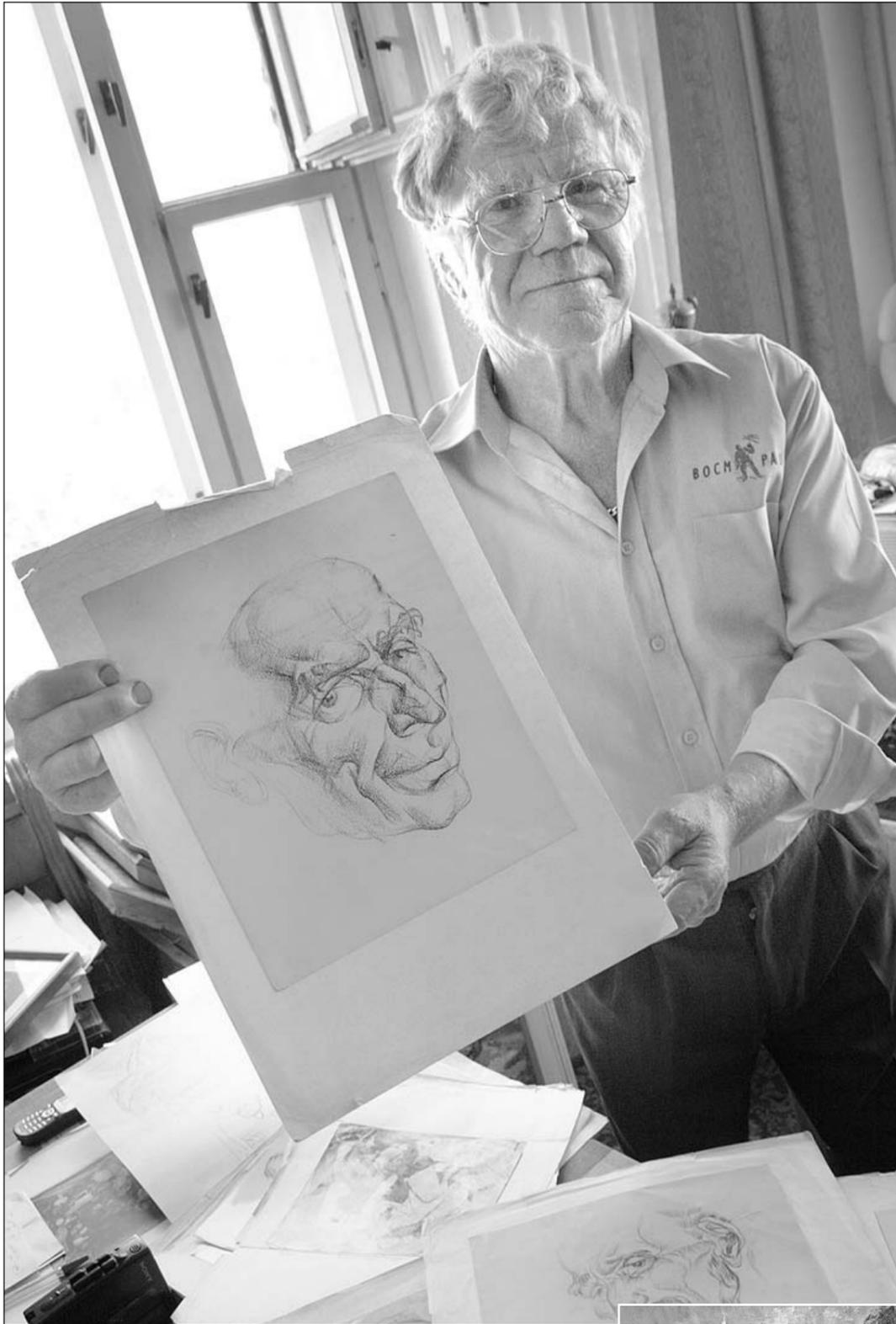

Фото Андрея САСИНА.

У него на счету более сорока персональных выставок. От студенческой до всесоюзной; от малой, как в Некрасовской школе-интернате, где три дня выступал на фоне своих картин, до таких,

что и в три зала не помещались.

Сейчас в Болховском женском монастыре висят его зимние и летние пейзажи — здесь же и писал их.

География его выставок поражает: Улан-Батор, Каракалпакия, Европа... Дружил с космонавтом Джанибековым, очень разбирающимся в живописи, помнит и своих орловских друзей-наставников — Валентина Дудченко, Георгия Дышленко.

Самому в этом году исполнилось семьдесят. Предлагают сделать юбилейную выставку, да он всё откладывает, хотя новых картин вполне достаточно.

— Всё близко и дорого — и карандашные портреты, и жанровые полотна.

Чистов преподаёт рисунок в техникуме,

ли это целая цивилизация... Там всё другое. Углы там вообще не приняты, они намекают на раздрай. Круг на Востоке — самый почитаемый контур.

В работах Чистова скрыты глубокий смысл, многозначность. Карандашный портрет старого узбека-агронома: лицо изъедено временем — а в руке нежный слабенький цветок...

Или отчаянный полёт белой птицы в окружении чёрных.

— Белая — это мы с вами. Согласны? Светлое часто оказывается в меньшинстве...

При таком пессимизме такие оптимистичные виды. Картины просто цветут жизнерадостными красками.

Четыре сына живут в Белоруссии. Один пошёл по отцовским стопам: рисует иконы.

Сам Чистов на религиозные темы работ не делает, но колорит у него всегда свежий, яркий, возвышенный. Художник любит жизнь, улыбку. Шутит постоянно, знает изрядно баек.

Когда свистит — закрывает от удовольствия глаза. Считает это серьёзным занятием.

— Рассвистеться надо минут десять. Сразу ни за что не получится. На природе особенно хорошо выходит, птицы подпевают, сам воздух поёт. Под музыку работаете легко, радостно. Это у меня от мамы, она до самой старости на гитаре играла...

Просвистал "Санта-Лючия", "Голубку", "Болеро", отрывок из "Русалки" Даргомыжского.

Аксакалы в тибетейках смотрели с картин одобрительно.

— А рисуете быстро?

— Когда как. Иную картину года два довожу, а иную и ночью не бросаю. Бывают дни — мимо этажа своего проходишь; настолько весь в себе, в работе, в мыслях...

Родиться художником — счастливая стезя. Художник не должен ходить по жизни мрачным, его искусство должно излучать свет.

Так у Чистова.

— Мне ничего не надо. Был бы сухарь в руке. А можно и без него... Лишь бы рисовалось.

Даже чёрно-белые его, валяющиеся тут и там карандашные наброски, имеют полтона, законченность.

— Бумага всё стерпит? Нет, ни в коем случае. Каждый листочек создан для смысла, нельзя обижать бумагу.

Поэтому, несмотря на разбросанность, он не позволяет никому взять в руки

ни один лист. Сам выбирает и подаёт. Самодисциплина. Творческий беспорядок — лучший из порядков.

Брови кустистые, лицо доброе. В молодости он был рыжеватым, судя по единственному автопортрету.

Больше Чистов себя не рисовал. На его картинах — десятки людей, сотни пейзажей.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

